

ИНТЕРТЕКСТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИРОНИИ

К.М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2008 г.

Аннотация: Статья посвящена проблеме влияния интертекстуальных связей на интерпретацию высказываний и текстов в повседневной коммуникации. Помещая «чужие слова» в новый контекст, говорящий устанавливает ассоциативную связь между двумя различными ситуациями и создает определенные отношения между участниками общения. Спецификой этих отношений является их асимметричность. Ирония, будучи одним из возможных дискурсивных эффектов интертекста, становится способом имплицитного кодирования асимметрии позиций участников дискурса.

Ключевые слова: дискурс, интенциональность, интертекстуальность, ирония, аллюзия.

Abstract: The article is devoted to the problem of the influence of the intertextuality on the interpretation of utterances and texts in everyday communication. By placing «the words of others» in a new context the speaker creates associative connections between two different situations and establishes certain kinds of relations between participants of communication. Asymmetry is a specific feature of these relations. Being one of the possible discursive effects of intertextuality, irony becomes a way of implicit coding of asymmetrical relations of those participating in discourse.

Key words: discourse, intentionality, intertextuality, irony, allusion

Коммуникативная деятельность всегда интенциональна: тексты, как письменные, так и устные, обладают значением и смыслом уже потому, что этого хочет говорящий. Интенциональность проявляется во всей организации дискурса: в первую очередь она отражается в выборе языковых средств. Но мы не можем приписать все особенности организации общения только намерениям его участников. Своеобразным «ограничением на интенциональность» является контекст: осуществляя выбор языковых средств, коммуниканты вынуждены приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям общения.

Динамичность контекста позволяет участникам дискурса не только обмениваться информацией, но и вступать в различные отношения друг с другом, менять эти отношения по ходу общения. Постоянные изменения в ситуации требуют активного участия в коммуникативном процессе всех его участников, хотя значительная часть существующих моделей коммуникации приписывает активную роль только говорящему. На самом деле интерпретация сказанного — процесс не менее активный и творческий, чем речевая деятельность говорящего или пишущего.

Интерпретация дискурса может дополнительно усложняться еще и тем, что разнообразные взаи-

моотношения возникают не только между людьми: отдельные высказывания и тексты также оказываются связанными друг с другом различными отношениями. В основе этих отношений могут быть как формальные, так и смысловые связи, которые необходимо восстановить адресату для понимания интенций говорящего/пишущего.

Идея М.М. Бахтина о существовании межтекстовых связей изначально развивалась философами и литературоведами на основе анализа художественных текстов. Однако различные типы взаимоотношений между текстами могут исследоваться и в других перспективах: в настоящее время термин «интертекст», введенный Ю. Кристевой [2], используется не только в литературоведческих исследованиях, но и в семиотике [5]. Различные типы межтекстовых связей активно исследуются как теоретиками литературы, так и в рамках анализа дискурса. Например, Н. Фэйрклоу высказал мысль о том, что путем повторения и воссоздания тексты образуют цепочки, которые, в свою очередь, образуют сети, пересекаясь в различных контекстах [6].

Наиболее очевидными представляются формальные сходства текстов, которые принято описывать в терминах стилевой принадлежности. Однако было бы слишком сильным упрощением сводить межтекстовые связи только к формально-стилистическому сходству в структуре текстов. Не

менее важными и гораздо более интересными с точки зрения интерпретатора оказываются связи содержательные. Повторное использование «чужих слов», но в новом контексте, показывает, насколько гибким может оказаться знак, по крайней мере, его смысловая составляющая. Поскольку отношения между текстами могут строиться на основе различных формально-смысловых связей, возможны различные классификации интертекста.

Анализ качественных характеристик интертекстуальности привел к созданию подробной классификации видов связей между текстами и появлению более общего термина — транстекстуальности — в работах французского исследователя Жерара Женетта [1].

Понятие *транстекстуальности* обозначает любые связи текста с другими текстами. Ж. Женетт предлагает классификацию этих связей, однако виды межтекстовых связей выделяются им на различных основаниях. Так, к интертекстуальным связям Ж. Женетт относит только цитирование, плагиат и аллюзию, т. е. основанием для выделения собственно интертекстуальности становится факт повторения того, что было сказано или написано ранее. Паратекстуальность характеризует отношения между текстом и другими элементами: заголовком, иллюстрациями, эпиграфом и т. д. Термином «архитекстуальность» описываются формально-стилистические характеристики текста, например его принадлежность к определенному жанру. Метатекстовые связи — это уже не формальный, но содержательный критерий, связанный с выражением оценочного отношения. Метатекст — это голос автора нового текста: эксплицитные или имплицитные критические комментарии относительно других текстов.

Наконец гипертекст в классификации Женетта — это связи, которые позволяют читателю переходить от одного текста к другому и устанавливать, какие модификации претерпел исходный текст. Заметим, что сегодня термин «гипертекст» используется в несколько ином значении: гипертекст — это специфическая форма организации одного или нескольких текстов, при которой важна не линейная последовательность текстовых фрагментов, а система явно указанных возможных переходов между ними. Важно, что основания для связей между текстами в возникающем информационном пространстве принципиально произвольны. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты. Поскольку такое понимание гипертекста отлича-

ется от предложенного Ж. Женеттом, Д. Чандлер предложил переименовать гипертекстовые отношения в гипотекстовые: в таких отношениях существует исходный текст, который подвергается трансформациям, и это служит основанием для появления новых текстов [5].

Еще раз обратим внимание на неоднородность критериев приведенной классификации и, как следствие, неоднородность выделяемых межтекстовых связей. Фактически в тексте эти связи могут реализовываться одновременно, например, в случае аллюзии с игрой слов, когда параллельно устанавливаются интертекстуальные, метатекстуальные и гипертекстуальные связи: не прямое цитирование (интертекст) с сознательной деформацией исходного текста (гипертекст) является, с точки зрения прагматики коммуникации, способом выражения критической оценки (метатекст).

В рамках дискурс-анализа понятие интертекстуальности становится еще более сложным, поскольку учитываются не только собственно формальные и смысловые характеристики текста, но и его включенность в социально-культурную среду, историческую традицию. Рассуждая об этом понятии, Б. Хатим и Я. Мэйсон пишут: «Зависимость от предыдущего текста обычно обозначается языковыми и/или неязыковыми средствами на любом уровне организации текста: фонологическом, морфологическом, синтаксическом или композиционном плане текста. Для начала источником интертекстуальной референции может быть любой объект из бесчисленного множества того, что мы будем называть социокультурными объектами... Такие множества условно признаются важными в жизни данного языкового сообщества, часто отражающими общепринятые допущения...»¹ (перевод мой. — *К. III.*). Рассуждая далее, Б. Хатим и Я. Мэйсон включают в понятие интертекстуальности весь спектр риторических конвенций, управляющих текстами, жанрами и дискурсами: «Тексты заставляют носителя языка фокусироваться на конкретной риторической цели (доказательство, рассказ и т. д.). Жанры отражают то, как языковое выражение конвенционально обслуживает конкретную социальную ситуацию (письмо редактору, выпуск новостей и т. д.). Нако-

¹ The dependency on a prior text is usually indicated by linguistic and/or non-linguistic means at any level of text organization: phonology, morphology, syntax or the entire compositional plan of the text. The source of the intertextual reference could, to start with, be any one of a myriad of what we shall call socio-cultural objects... Such entities are conventionally recognized as being salient in the life of a given linguistic community, often reflecting commonly held assumptions [8,18].

нец, дискурсы включают выражение точки зрения, и язык становится по договоренности рупором общественных институтов...»² [8] (перевод мой. — К. Ш.). Тексты, жанры и дискурсы составляют категорию социально-текстовых практик, которыми пользуются члены определенного языкового сообщества. Таким образом, интертекстуальность становится семиотическим процессом, в котором адресат текста опирается на социально-культурную значимость референта (т. е. объекта или ситуации, которые упоминались в исходном тексте), а также на повторяющиеся и потому узнаваемые социально-текстовые практики [8].

Разнообразные типы интертекстуальных связей могут производить различный дискурсивный эффект: от возникновения отношений авторитетности до комичности. Однако независимо от того, к какому эффекту стремится говорящий, возникающие отношения чаще всего характеризуются асимметричностью.

Возникает вопрос: зачем участники дискурса создают интертекстуальные связи? Какой коммуникативный эффект может быть достигнут благодаря усложнению семиотических характеристик текста?

Если ограничить анализ межтекстовых связей только художественными произведениями, то, с точки зрения пишущего, интертекстуальные связи включают текст в определенную культурную традицию и позволяют усложнять смысловую структуру произведения. С точки зрения читающего, установление взаимосвязей между литературными произведениями может приносить эстетическое удовольствие. Кроме того, знание этих связей и умение их устанавливать является показателем принадлежности читателя к определенной социально-культурной среде, способом отличить «своих» от «чужих» [3].

Однако межтекстовые связи существуют не только в среде художественных текстов. Результаты речевой деятельности — устные и письменные тексты, создаваемые носителями языка в повседневной коммуникации, также связаны как с конкретными ситуациями, в которых они возникли, так и с тем, что было написано или сказано ранее. По мнению Дж. Хаймана, «язык изобилует клише и

распространенными цитатами: мы используем языковые выражения повторно»³ (перевод мой. — К. Ш.) [7, 3].

Вряд ли можно утверждать, что эстетическое удовольствие является ведущей целью привлечения интертекстуальных связей в повседневной коммуникации. Скорее, использование «чужих слов» необходимо для решения некоторых прагматических задач, в частности, определения позиций участников коммуникации. Например, цитирование текста авторитетного источника повышает значимость мнения того, кто использует цитату в поддержку своей точки зрения [4]. Установление связей между тем, что уже было сказано или написано, и тем, что говорится в данный момент, может также служить сигналом создания асимметричных отношений между участниками дискурса. Приведем пример: в магазине, специализирующемся на торговле чаем и кофе, на витрине выставлены банки с различными сортами чая. На каждой банке обозначен сорт чая, однако на некоторых банках наклеены следующие надписи: *Чай «Что-нибудь новенькое»*, *Чай «Какой-нибудь еще»*, *Чай «Не помню какой (вкусный)»*. Очевидно, что это слова, которые продавцы магазина достаточно часто слышат от покупателей. Ироничное использование реплик в номинативной функции меняет баланс взаимоотношений между продавцом и клиентами магазина: если раньше, произнося эти фразы, покупатель перекладывал ответственность за выбор на продавца, то теперь эти же фразы, употребленные в новом контексте (от лица продавца) не дают покупателям такой возможности. В результате продавец оказывается в более выгодной коммуникативной позиции, которая позволяет ему ограничивать набор возможных речевых ходов со стороны покупателей.

Другой, не менее важной целью привлечения интертекста оказывается установление ассоциативных связей между двумя ситуациями: непосредственной ситуацией общения и той, в которой был создан исходный текст. Используя созданный ранее текст в новом контексте, говорящий может не только устанавливать ассоциации между ситуацией в прошлом и в настоящем, но одновременно выражать свое отношение к происходящему.

Одним из инструментов создания интертекстуальных связей является аллюзия — точное воспроизведение фрагмента дискурса или его адаптация в новом окружении, имеющее двойную референ-

² Texts involve the language user in focusing on a given rhetorical purpose (arguing, narrating, и др.). Genres reflect the way in which linguistic expression conventionally caters for a particular social occasion (the letter to the editor, the news report, и др.). Finally, discourses embody attitudinal expression, with language becoming by convention the mouthpiece of societal institutions... [8, 18].

³ Language is replete with clichés and commonplaces: we recycle [7, 3].

цию: явную и скрытую. Аллюзия с двойной референцией метафорически осмысливается П. Ленноном как эхо. Такое понимание аллюзии, предложенное П. Ленноном, отличается от традиционной максимально широкой трактовки аллюзии как упоминания чего-либо и от более узкого понимания аллюзии как косвенной отсылки [9].

Аллюзия-эхо обладает рядом свойств, которые позволяют говорящему/пишущему «упаковывать» интенцию оптимальным образом. По мнению П. Леннона, к числу этих свойств относятся имплицитность, наличие прагматической пресуппозиции, наличие не только прямой, но и ассоциативной (семиотической) референции, интертекстуальность, использование игры слов [9]. Последнее свойство требует от интерпретатора дополнительных усилий для понимания аллюзии-эха, и такое понимание становится возможным благодаря инференции.

Аллюзия-эхо присутствует в высказывании в виде различных языковых маркеров. Часто реконтекстуализация сопровождается лексической или синтаксической модификацией исходного текста, основанной на игре слов. Обнаружение языковых маркеров аллюзии возможно, если у участников коммуникации есть общие фоновые знания, а интерпретатор высказывания обладает достаточной коммуникативной компетенцией, включающей в себя, помимо прочего, знания о том, какие бывают тексты и какие языковые средства являются для них конвенциональными.

Если связь двух фрагментов дискурса основана на отношении несовпадения или противоположности, и именно это хочет подчеркнуть говорящий, высказывание приобретает дополнительное значение — значение иронии, а между участниками коммуникации (говорящим, адресатом и объектом иронии) возникают асимметричные иронические отношения.

Исследователи, изучавшие функционирование иронии в дискурсе, указывают на эхообразный характер иронии. В рамках теории релевантности Д. Уилсон и Д. Шпербер трактуют иронию как эхоупоминание того, что было сказано ранее. Иными словами, ирония — это всегда повторение чужих слов, только в новом контексте [10].

Аллюзия как «технический» прием активно используется в текстах, ориентированных на массового читателя. Прагматический расчет здесь очевиден: броский заголовок газетной публикации привлекает читателя и одновременно служит сигналом оценочности. Кроме того, заголовок задает

определенные отношения между автором, читателями и теми событиями, о которых идет речь. С точки зрения когнитивных процессов, происходящих при интерпретации аллюзии, происходит совмещение двух (или нескольких) ситуаций: там, где начинается несовпадение или контраст, и возникает ироническое отношение. Например, словосочетание *послы отпущения*, использованное в качестве заголовка [11], явно связано с выражением *козел отпущения*. Сам текст статьи не содержит интертекстуальных отсылок; скорее, он является экспликацией тех ассоциаций, которые «спрятаны» в заголовке с помощью аллюзии. Дискурсивный эффект от такого использования аллюзии выражается в установлении асимметричных отношений между автором статьи и политическим деятелем, чей авторитет ставится под сомнение (в данном случае речь идет об отзыве послов Украины в России и Германии президентом В. Ющенко).

Заголовок *Владимиру Путину оказали мишкину услугу // «Наши» создали детское пропрезидентское движение «Мишки»* [12] в качестве первичного текста имеет фразеологизм «оказать медвежью услугу». Чтобы замаскировать негативную коннотацию, автор заменяет прилагательное *медвежья* на *мишкина*, а также снабжает публикацию подзаголовком, разъясняющим суть произошедшего события. Замена прилагательного также приводит к возникновению интратекстуальной связи между заголовком и подзаголовком. Языковая игра становится сигналом к тому, что коммуникативное намерение автора не сводится только к информированию читателя. Ироническое отношение, возникающее в результате интратекстуальной переключки заголовка с фразеологизмом, базируется на негативной коннотации последнего. Ирония возникает за счет контраста оценочных перспектив: официальная одобрительная оценка произошедшего события не совпадает с оценкой автора статьи. Цель иронии в данном случае — выражение критического отношения к новой детской организации и тем людям, которые ее создали.

Еще один заголовок — *«Превращение гладкого путенка»* — является иллюстрацией того, как наложение нескольких ситуаций друг на друга создает отношение иронии. Статья посвящена выдвижению кандидатуры Д.А. Медведева на пост президента России [13]. Словосочетание *гладкий путенок* имеет уже не двойную, а тройную референцию. Наиболее очевидным референтом является фигура Д.А. Медведева. Два других референта «спрятаны» не слишком глубоко: заголовок явным образом

отсылает читателя к сказке Андерсена «Гадкий утенок» — истории о незаметном для окружающих превращении невзрачного птенца в прекрасного лебедя. Как может эта история быть связана с выдвижением политика на новую должность? Читателю известно, что выбор кандидатуры преемника продолжался достаточно долго, называлось несколько претендентов, среди которых кандидатура Д.А. Медведева рассматривалась как наименее вероятная — именно он и был «гадким утенком» в этой ситуации. Однако ирония здесь создается не только благодаря соотношению реальной и сказочной ситуации: замена прилагательного *гадкий* на *гладкий* в качестве импликации имеет «все прошло слишком хорошо и гладко, без настоящего обсуждения». Наконец, третий референт может быть легко обнаружен по фонетическому созвучию «Путин — путенок», которое связывает преемника не только с птицей из сказки Андерсена, но и с президентом Путиным, показывая зависимость, несомыслительность кандидата.

Следующий фрагмент из еженедельника «Власть» является примером более сложной организации межтекстовых и внутритекстовых связей, которые создаются для передачи иронической интенции. Статья называется **Кудри решают все** // Владимир Путин подбросил Госсовету песню для размышлений [14]. Сам заголовок является двойной аллюзией: во-первых, автор связывает политическую ситуацию с фразой «Кадры решают все». Во-вторых, в сферу дискурса включается текст песни «Уральская рябинушка». Первая аллюзия более очевидна, в то время как о наличии второй читатель, не знакомый с текстом песни, узнает непосредственно из текста статьи. Приведем ее фрагмент.

Вчера президент России Владимир Путин провел заседание Госсовета, на котором, по замечанию специального корреспондента Ъ АНДРЕЯ Ъ-КО-ЛЕСНИКОВА, передал — нет, не еще власть, а слово первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву.

Войдя в зал, где сидели губернаторы, Владимир Путин увидел свободное место в центре стола и подошел к нему. Слева сидел первый заместитель председателя правительства Дмитрий Медведев, справа — председатель правительства Виктор Зубков. Президент сел в кресло, внимательно осмотрел того и другого и произнес:

— Справа — кудри токаря, слева — кузнеца.

Те, кто это услышал, потрясенно смотрели на президента. В числе этих людей, безусловно, были и токарь, и кузнец.

Владимир Путин находился в этот час дня, судя по всему, в хорошем настроении.

Кажется, это были слова из какой-то песни. Мне даже показалось, что это какая-то французская песня про амур де труа.

Но потом все выяснилось. Я нашел эту песню у себя. Она записана на диске «Любимые песни Эдуарда Росселя. Домашняя коллекция губернатора» и идет после песен «Как молоды мы были», «Старый клен» и «Мы с тобой не первый год встречаемся». (Осталось только выяснить, откуда у меня диск «Любимые песни Эдуарда Росселя».)

Кроме процитированных на Госсовете, в песне «Уральская рябинушка» есть и другие слова, проливающие свет на то, чего недосказал президент России этой на вздохе оборвавшейся цитатой. «Треплет под кудрявою (рябиной. — А. К.) ветер без конца справа — кудри токаря, слева — кузнеца... Кто из них желаннее, руку сжать кому? Сердцем растревожена, так и не пойму. Оба парни смелье, оба хороши, милая рябинушка, сердцу подскажи».

Тут я подумал, что Владимир Путин все-таки чуток опоздал с исполнением этой песни. Потом мне пришла в голову мысль, что, может, мы чего-то опять не знаем и что она ничего не потеряла, а, наоборот, может, приобрела.

И токарь, и кузнец смотрели на президента, по-моему, настороженно. Они, кажется, не верили собственным ушам. Действительно, для того, чтобы поверить в это, нужно было обладать не просто хорошим слухом, а музыкальным слухом.

Автор статьи сочетает различные виды интертекстуальных связей: прямую цитату из текста песни (кстати, сам текст требует от интерпретатора определенных культурных знаний; поскольку песня «Уральская рябинушка» не является широко известной, журналист приводит более крупный фрагмент текста), упоминание названий песен, ассоциирующихся с определенной эпохой, аллюзию. Именно эти связи позволяют подключить к интерпретации другие ситуации (например, ситуацию выбора спутника жизни, любовный треугольник и др.) и соотнести роли и взаимоотношения участников этих ситуаций с ролями и взаимоотношениями участников заседания Госсовета. Ассоциативные связи между двумя ситуациями (выбор кандидатуры преемника — выбор спутника жизни), формируют оценку не в пользу первичного референта.

Диссонанс первичного и вторичного референта (в данном случае — нелепость сравнения прези-

дента с нерешительной девушкой) становится основанием для иронического отношения к действиям политиков.

Подводя итог, заметим, что интертекст в повседневной коммуникации является экономным способом «упаковки» информации об отношениях между различными участниками коммуникации. Множественная референция становится сигналом наличия скрытой интенции, для установления которой адресату необходимо сопоставить референтные ситуации.

Ситуации, которые актуализирует интертекст, представляют собой две возможных точки зрения, которые, собственно, и сравниваются. Двойная референция приводит к тому, что вторичный, скрытый за аллюзией референт становится своеобразной шкалой, мериллом для первичного референта.

Интертекст, создающий иронию, меняет оценочную перспективу: ожидаемое серьезное отношение превращается в насмешку, герои текущей ситуации оказываются «в карнавальных костюмах» (глава кабинета министра — токарь, его заместитель — кузнец, кандидат в президенты — гадкий утенок, а в ситуации с чаем продавец примеряет на себя роль покупателя). Именно диссонанс двух ситуаций помогает интерпретировать высказывание, содержащее интертекстуальную отсылку, как ироническое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женнет Ж. Фигуры. Работы по поэтике / Ж. Женнет. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с.
2. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева ; сост. Г.К. Косиков ; пер. с фр. Г.К. Косиков, Б.П. Нарумов. — М. : Росспэн, 2004. — 652 с.

Воронежский государственный университет
К.М. Шилихина, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета романско-германской филологии
shilikhina@gmail.com

3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 240 с.

4. Bazerman Ch. Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts / Ch. Bazerman // What Writing Does and How It Does It: An Introduction to Analyzing Texts and Textual Practices / ed. by Charles Bazerman, Paul A. Prior. — Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, 2004. — P. 83—96.

5. Chandler D. Semiotics: the Basics / D. Chandler. — 2nd ed. — London, New York : Routledge, 2007. — 307 p.

6. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London, New York, Routledge, 2003. — 197 p.

7. Haiman J. Talk Is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language. / J. Haiman. — New York : Oxford University Press, 1998. — 222 p.

8. Hatim B. The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. — London : Routledge, 1997. — 224 p.

9. Lennon P. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study / P. Lennon. — New York : Mouton de Gruyter, 2004. — 298 p.

10. Wilson D. On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. New York, London. 2007. — P. 35—56.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Азар И. Послы отпущения / И. Азар. — (http://www.gazeta.ru/politics/2008/04/04_a_2686445.shtml).
12. Владимиру Путину оказали мишкину услугу // Коммерсантъ. — 2007. — 7 декабря.
13. Камышев Д. Превращение гладкого путенка / Д. Камышев. — Власть. — 2007. — 12 декабря.
14. Колесников А. Кудри решают все / А. Колесников // Коммерсантъ. — 2007. — 20 декабря.

Voronezh State University
К.М. Shilikhina, Associate Professor Chair of Theoretical and Computational Linguistics, Department of Romance and Germanic Philology
shilikhina@gmail.com